

84(2Рос=Манс)

К

Ш 51

ЮВАН ·
ШЕСТАЛОВ

ПЕСНЯ
ПОСЛЕДНЕГО
ЛЕБЕДЯ

1/84 (2 Poc = Marc)
L III 51

ЮВАН
ШЕСТАЛОВ

ПЕСНЯ
ПОСЛЕДНЕГО
ЛЕБЕДЯ

GMP/BX-
3669

fish

ЮВАН ШЕСТАЛОВ

ПЕСНЯ
ПОСЛЕДНЕГО
ЛЕБЕДЯ

П О Э М Ы

П Е Р Е В О Д Ы

С
М А Н С И

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ь · М О С К В А ·
1 9 6 9

Ханты-Мансийск
окружная библиотека

Красведческий
ФОНД

дх
НЧН
24/14

84 (2 Рое = Манс) 6

С (Сиб)
Ш 51

~~MSK~~

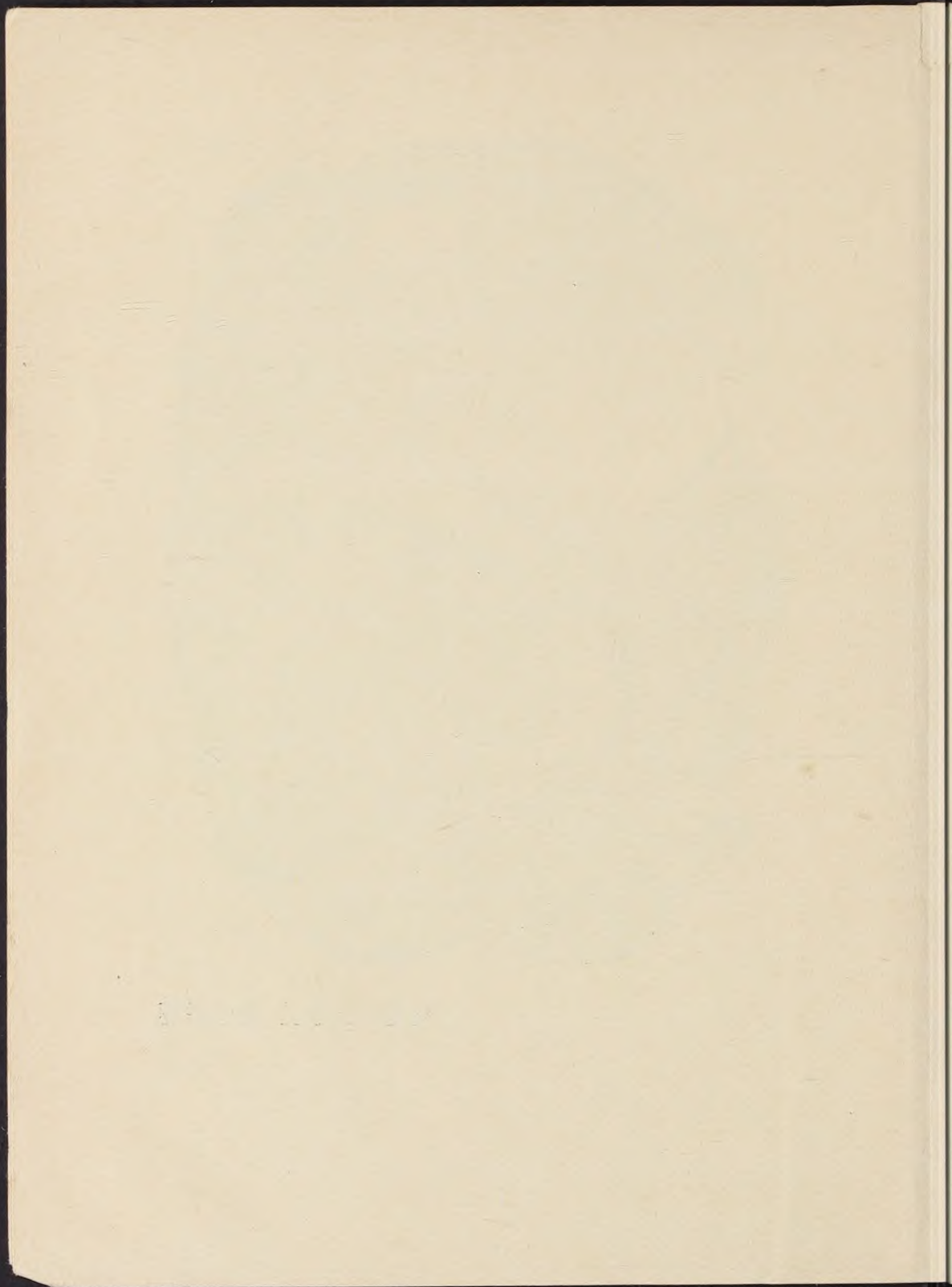
Юван Шесталов сравнивает свой народ со снежинкой. Манси — один из самых маленьких народностей Севера. Охотники, идолопоклонники в прошлом, одухотворяющие все окружающее, соотечественники передали своему поэту своеобразное постижение действительности. Утверждая и поэтизируя новую жизнь, поэт манси Ю. Шесталов не может избежать уподобления новых представлений первобытным образам родной природы и древним родовым обычаям. Но, вводя в ткань анимистические образы, ссылаясь на старинные обычаи и народные поверья, Ю. Шесталов остается нашим современником, близким своему маленькому народу.

Идейным ядром книги является поэма «Песня пробуждения», в которой поэт повествует о прошлом и настоящем своего народа.

Юван Шесталов — автор ряда книг на родном и русском языках.

ЧЕРНОЕ МОРЕ

1

Чего я не ведал?
Я не знал моря.
Голубого моря,
Зеленого моря,
Серого моря,
Лунного моря,
Лилового моря,
Черного моря.
Я не знал, что и здесь встречу шамана,
Волшебника и колдуна.
Он так играет моими глазами,
Что они вновь становятся наивными.
Как шаман играет!
Как словами, цветами радуги ослепляет.
И глаза мои, как идолопоклонники,
Заворожены тобою, игривое море.
Я уже твой!
И слепо верю, как манси богам верили,
Что море голубое, как небо,
Которое я не держал в руках;
Стальное, как Луна, где еще я не был;
Зеленое, как травы, которых я не косил;
Лилово-красное, как кровь, которую
я еще не пролил;

Черное, как пушистый соболь,
Который хитрее меня.
А может, и вправду ты хитрее меня,
Мудрее меня, колдовистее меня
И любого человека на земле?
Ведь все мы, как шальные,
Верящие в чудо,
Бежим к тебе, южное море,
Несемся, как олени,
Летим, как птицы,
Оставив за горами, лесами, степями
Родные гнезда.
О, наши родные гнезда:
И конусообразные чумы
Среди мхов и синего неба,
И пахнущие соснами дома
С вырезными ставнями,
И каменные дворцы со стеклянными глазами,
Мы оставили вас
Ради этого моря
То зеленого,
То лилового,
То лунного,
То голубого,
То серого,
То черного,
Черного моря.
И зачем мы, как опьяненные,
Мчимся к тебе?!
Неужели рядом,
В краю родном, нет чуда,
Достойного наших восторженных «ахов» и «охов»,

Которыми мы, ошарашенные,
Одариваем
Это высокомерное море,
Плещущееся день и ночь
У наших ног?!
А может быть, мы просто
Вечные идолопоклонники,
Привыкшие кланяться
Какому-то камню,
Дереву,
Морю,
Человеку,
Делая их святыми?! . . .
И снова, и снова
Хотим верить не себе,
А ему, Волшебнику,
Кудеснику-исцелителю . . .

Кто ты, море?
Откройся!
Я не знаю тебя,
Как не знаю до конца самого себя . . .

2

**Красивое море,
соленый обман . . .**

Вода . . .
Я слышу ее плеск.
Как в детстве слышу.
Как в родной Оби моей,
Снова воду слышу:

Вот
Плещется рыба, попавшая в сеть.
Вот
Дикая утка хлопает крыльями.
Вот
Самолетиком пробежала гагара,
И звонкими брызгами плес зазвенел.
Вот
Хлюпает, хлюпает, хлюпает —
Тяжелый и грузный купается лось, —
Замерли даже нервные деревья,
Заслушавшись,
Как фыркает довольная вода...
А здесь так много воды:
Глаза тонут в воде,
И синее небо тонет в воде.
И солнце, как рыба, попавшая в сеть,
Плещется, плещется в синей воде.
Горбатые горы, как старые лоси,
Подставили груди к синему морю,
И слушают плеск его,
И нежатся в струях.
Нежности этой и мне не хватает,
И жаждут губы коснуться прохлады,
И от жаркого солнца,
Как от взгляда женщины,
Горячее тело мое
В объятия моря бросаю.
Дзи-инь! . .
Что это?!
Я слышу жужжанье?
Неужели опять меня жгут комары?

Ледяными жалами жалят меня.
Тысячью жал жалят меня.
Я леденею.
Слышу мозг в костях.
И не прохлада речная
На губах моих —
Морщусь,
Плююсь,
Как от степного
 соленого чая.
Я обманут.
Дважды обманут:
Жаркое солнце
И ледяное море.
Хотел жажду утолить,
А пришлось —
 плеваться.
Красивое море,
Соленый обман. . .

з

**Самый
дорогой подарок**

Есть у меня отец. Его боятся рыси, осетры и щуки. А он не знаю, чего боялся, но одного подарка не брал. Был он председателем, хозяином колхоза. Лодки рыбаков его колхоза были полны серебряным сиянием нельм, золотыми язями и нежной сосвинской селедкой. . . С таежных дебрей охотники несли пушистых соболей, куниц, белок. Немая тундра оживала и цвела от колхозных стад оленей. Славно трудились, видно, колхозники.

Славен был и отец мой. Большие начальники дарили ему подарки. И он любил брать... Только почему-то не брал он премию под таинственным для него названием «Черное море», которую ему преподносили каждый год.

— Это, наверно, ваш самый золотой подарок? — спрашивал отец своих начальников.

— Самый большой! — уговаривали те.

— Самую большую премию я возьму потом! — пел отец. — Сначала я возьму маленькие, которые мне даст моя тайга, недовольная мной, что я слишком долго командую и забыл лесные тропы. Свой отпуск проведу вместе с рыбками, которые хотят, чтобы я их поймал и принес в жертву водяному духу. А ваше Черное море возьму потом, когда у меня будет время.

Но настало иное время. Ушел мой отец на пенсию, но не забыл про «Черное море».

Помнит, как языческое заклинание, помнит. И хвалится перед сородичами, что есть у него чудо, какого нет у манси. И мечтает получить подарок, который принадлежит ему.

— Только стал я староват. Ноги слабее звериных стали. Не дойти мне до Черного моря. Съездил бы ты, сын мой, и посмотрел мой самый золотой подарок.

Вот я и приехал. И сонными глазами смотрю на «Черное море», подарок, не взятый моим отцом...

А какой же подарок, предназначенный мне, удастся увидеть лишь моему сыну?

4

Море, как юная женщина,
Ноги мои ласкает,
И солнечными устами целует без стыда,
И глазами синими
Глядит непонимающе...

А я, как дикий олень,
На синие горы гляжу...

5

Я поднимаюсь в горы.
Скалы, как каменные идола,
Каменно глядят,
Как я карабкаюсь.
Споткнусь —
И сорвется камешек, —
Скалы хохочут, смеются.
Эхо уносит смех их
В темные ущелья,
Где ползают ужи
И квакают лягушки.
Эхо уносит смех их
В голубокрылое небо,
Где в ожиданье добычи
Коршуны злые парят.
Я поднимаюсь в горы.
Ноги мои как камни.
И несу я словно
Сети мокрые на спине.
От жгучих ран кострами
Горят мои колени.
И только безногие глаза мои
Карабкаются все вверх.
Скалы — каменные идола —
Глядят на меня удивленно:
Мол, в тине болотной родившийся
Как в горы подняться смог?!

А мне нелегко по скалам!
Голова моя кружится, кружится
И над пропастью камнем висит.
Но знаю одно, как заклятье,
Пока я иду, одинокий:
Вниз, как в далекое прошлое,
Я не должен, не должен глядеть! . . .
И не буду вам, идола, кланяться,
Как предки мои вам молились,
И курицу живую в жертву вам,
Как бывало, не принесу. . .
Глядите хоть криво, хоть косо —
А я карабкаться буду
По каменным вашим мордам
К вершине еще безымянной! . . .

6

И вот на вершине я.
Усталый и гордый,
На скользких камнях я стою.
Рядом со мной мое солнце.
А где же враги мои — тучи?
Неужели внизу там остались?
А может, они на мгновенье
Подарили высокий покой?
Пусть тучи где-то сгущаются
И звери где-то рычат,
Но мне тридцать лет,
И с вершины на мир я гляжу
Уже не глазами охотника.
О прадеды, вы мне простите,

Что вижу не только зверье
И жадные рты идолов
Не мажу жертвенной кровью.
Отсюда я что-то вижу,
И сердце о чем-то болит.
Но труден был путь мой к свободе,
К этим слезам и прозренью.
Не раз на пути к вершине
Спотыкалась душа о камни.
И глядел я порою, не скрою,
На древних богов с неприязнью,
И вместе с моим народом
Новую жизнь создавал...
На новой вершине стою,
И пою я о сложном мире...

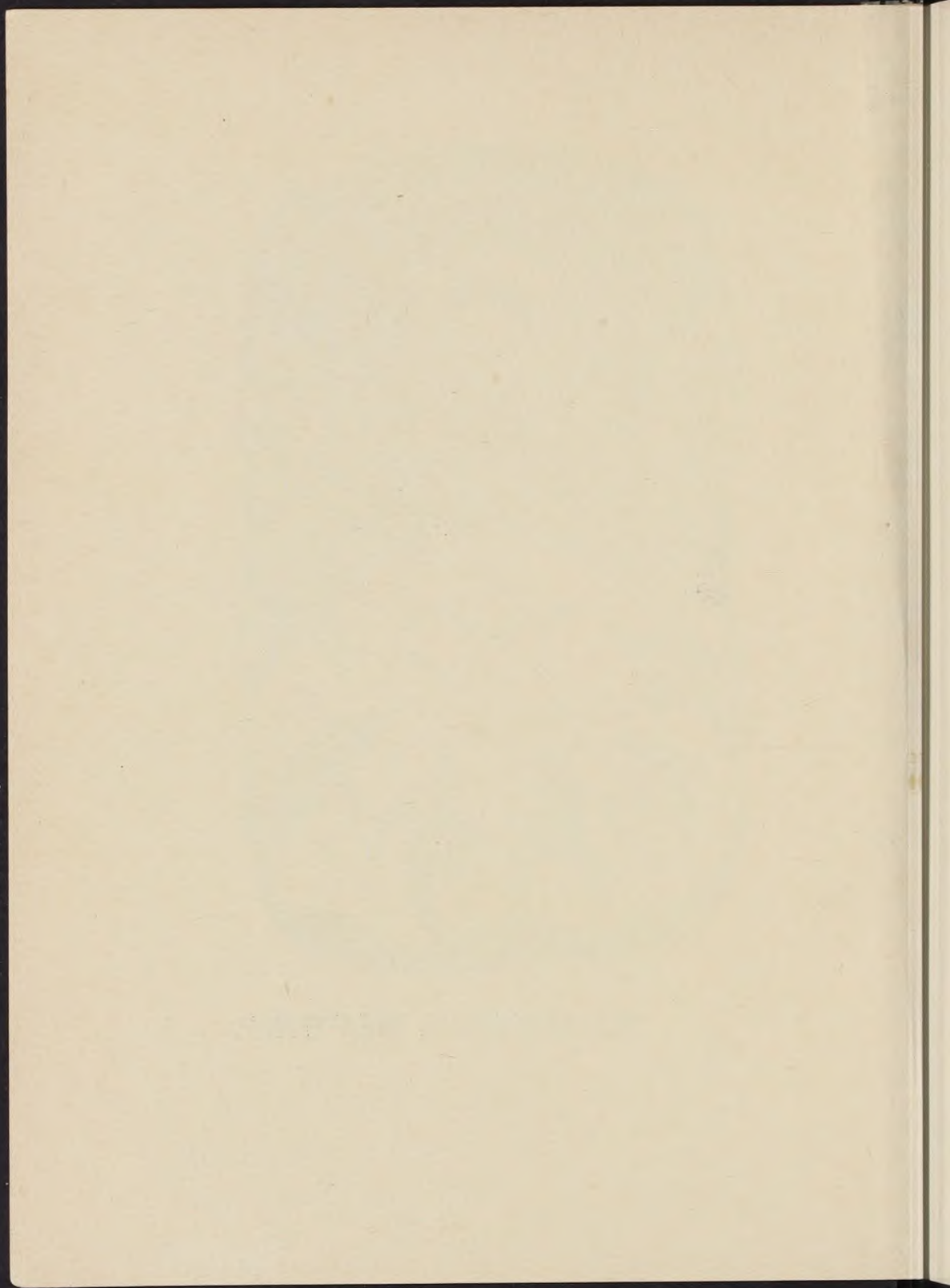
hish

МЕДВЕЖЬЕ ИГРИЩЕ

Хайри-Мехмедович
окружна библиотека
Томска област

1957

Тулыглап, тулыглап...

Что такое «тулыглап»?
Тулыглап —
Это след медвежьих лап?..

...Этот древних лет обычай
Жив на Севере моем.
Эти песни мы поем,
Возвратившись в дом с добычей.
Сквозь пургу и завируху,
Сквозь века и тишину
Слышу, слышу чутким ухом
Вздыбленную старину:
И скользит перед глазами,
Перед чуткими ушами,
Сонь ночную песней дразнит,
Вихрем плясок воздух режет
Наш лесной мансийский праздник,
Древний наш мансийский праздник —
Игрище медвежье.

..По тайге летают сказки,
По тайге легенды бродят,

Как охотники медведя,
Встретив, хитростью «низводят».
В деревнях расскажут манси,
Как медведя «опускают».
Но никто сказать не смеет,
Что медведя — убивают...

«Низведен» медведь, «опущен», —
Он поддался ненароком, —
Голова его большая
На столе сидит широко.
И тогда его мужчины
Как героя восхваляют,
Духом леса называют,
Куньей песней развлекают,
Птичьей пляской провожают,
Как налима — осуждают,
Словно женщину — пугают,
Будто пса — его ругают,
Всяким штукам обучают,
Слово ласки говорят,
Щиплют, бьют, бранят, корят...

... Вот тайга под жарким солнцем
Начинает зеленеть.
По таежным по увалам,
По чащобам, по завалам
Бродит грузный
Медведь.
Но когда лесного зверя,
Лугового злого зверя
На рогатину подденут

Или из ружья застрелят
Наши манси-силачи,

Тулыглап — Медвежий праздник —
Начинается в ночь.

Семь седых веков суровых
За ночь мимо проплывет...

Видишь:

Жизнь таежных манси,
Жизнь охотников таежных
В плясках огненных встает.

— Тулыглап... тулыглап...

Что такое «тулыглап»?

Может, след медвежьих лап?

Может, песня?.. Может, сказка?..

Может, хитрая побаска?..

Может, сон?.. Может, храп?..

Все же

Что же,

Что такое —

«Тулыглап»?

— Ты постой, постой, не злись...

Утки стаяй пронеслись...

Закряхтела, загудела

Под ногами мать-земля...

Ты постой, постой, послушай, —

Пусть твою встревожат душу

Жилы-стоны,

Струны-звоны

Журавля!

* * *

Кен-кеным¹,
Кеным, кеным.
Дзин-дзон,
Стук-бряк.
Синий дым.
Черный дым.
Начинаю песню так:
— Жилистый журавль мой,
Играй —
Комаром пищи,
Пургой завывай,
Засвисти щеглиным свистом,
Закатись ребячьим визгом,
Медведем реви,
Росомахой рычи,
Громом греми,
Чайкой кричи,
Грустящей девушкой вздыхай —
Величие сердца
Народа моего воспевай!

Кен-кеным,
Кеным, кеным.
Дзин-дзон,
Стук-бряк,
Ог-ой...
Пой, журавлик мой.
Пой!

¹ Кен - кен ы м — звукоподражание, вроде русского «трень-брень».

Песня журавля

Долгую зиму с иголками инея,
Вечную зиму с горами льда,
Я, Журавль, сижу в священном море,
В океане священном с золотою водой.
От золотых капель — рукам моим тесно.
От священной воды — ногам моим тесно.
Слухом своим журавлиным
Ловлю тишину.
Слышу:
С каждым новым восходом солнца
В южном море крылатых все меньше
и меньше.

Понимаю:
Когтистые птицы — мои подруги,
Острокрылые птицы — мои подруги
Полетели в трижды воспетую землю,
Где проклюнутся летом из пестрых
скорлупок
Наши дочери и сыновья...

Золотой честности день приходит.
И тогда я, Журавль, поднимаюсь
над морем,
Я семь раз кружусь,
Как кружится солнце,
Я шесть раз кружусь,
Как луна вертится, —
Чтоб любовь свою показать священному
морю.

А потом долгоносый свой нос журавлиный
Повернул я к далекой земле-отчизне,
Где рождаются, крепнут и подрастают,
Серокрылые и долгоносые,
Наши дочери и сыновья.
Полетел я, Журавль, на родимый Север...

Я семь дней летел, семь ночей летел я, —
Прилетел на свою родимую землю.
Опускаюсь я на глухое болото, —
Лось могучий стоит там, как каменный идол.
Тут я лося-быка, распаленного страстью,
Как умею, развеселить стараюсь:
Перед лосем печальным пляшу свои пляски
И дарю ему веселую песню.

Нахожу я верховье таежной речки...
Дальний путь пролетевшее без передыху,
Жаждет пищи мое журавлиное сердце:
В речке рыбок ловлю, ловлю я букашек,
Очень вкусных жучков с разузоренной спинкой,
Лакомлюсь на бережку морошкой.
Замышляю построить гнездо большое...

Я, Журавль, гнездо камышовое сделал,
Чтобы было где расти моим детям.
Два красивых яйца в гнездо положил я —
Днем сижу на них и ночью сижу я.
Здесь застал меня, на гнезде сидящим,
Человечек смешной с обрезанным пупом.

Взял меня он песнею, с губ спорхнувшей,
Взял меня своей он льстивою песней,
Что на кончике языка плясала:
«Ах, Журавль мой милый, Журавль крыластый!
Ты, наверно, решил, что сидишь в чумане,
В небольшой посудине из бересты,
Куда даже мальчишка не уместится?!
Оглянись:

ты сидишь в избе человечесьей,
Посередке грязного пола сидишь ты...
Уж не очень ли важно ты здесь расселся?
Погляди напротив: в углу почетном
Царь тайги сидит — Медведь черно-бурый!
Восседает он, твой звериный братец,
Восседает он на столе широком,
Восседает в счастье тонкого шелка,
Восседает в счастье сукна дорогого...
Ах, Журавль, Журавль, неумная птица,
Отбирай у Медведя соболинное счастье,
Отбирай свою шелковую долю!
Ты выклевай звезды — глаза медвежьи,
Ты выщипывай уши — пеньки сухие!
Расплескай озерные яства с чумана,
Разбросай с чумана речные яства!»

Я разбрасываю яства с чумана,
Я выклеываю звезды — глаза медведя,
Я выщипываю пеньки — уши медвежьи...
Вдруг кричит охотник, убивший медведя,
Словно дверь закрытую отворяет:
«Люди! Люди!

Дитя мое защищайте, —
Журавля¹ по жилам — по струнам — бейте!»

Халь-халь-халь! —
Бить руками меня начинают.
Поль-поль-поль! —
Щиплют жилы мои до боли.
И звенит моя каждая жилка, как ветер,
Словно ветер звенит моя каждая струнка, —
Журавлиный мой голос песни выводит.
Люди пляшут под песни мои, как волны,
И моим залиvistым звончатым звоном
Веселят лесные сердца свои люди.

Голова медведя

Скачут люди, пляшут люди
На затоптанном полу...
Голова медведя смотрит
Со стола в своем углу.
Не ложится ей, не спится, —
Черный глаз ее косится.

Из избы наружу рвется
Песни огненный мотив...
Ухо черное сторожка
Ловит песен перелив.

¹ Журавль — музыкальный инструмент, под который обыкновенно манси поют свои песни и пляшут.

Голова черным-черна,
На людей глядит она.

Шерсть стоит у зверя дыбом,
Кости белые болят.
Слышат черные ушища
Все, что люди говорят.
По-над крышей ветер рыщет.
Красный бисер на ушищах...

Слышит, слышит голова
Человечьи слова.

— Что вы делаете, люди? —
Тонкий голос говорит.
— Мы медвежий танец пляшем! —
Кто-то там в ответ басит.

И кривляются-смеются,
Бьют друг дружку под бока
В белых масках из бересты
Два носатых чудака:

— Это что за зверь, медведь? ..

— Не угодно ль поглядеть?!

— Зверь твой — черный, страшный,
грязный,

Злой, вонючий, безобразный.

Вот у нас в подворье звери:

Словно цацки хороши! ..

Я начну хулить медведя,

Стану я ругать медведя
В песне ото всей души!
Буду грубыми словами
Злого зверя обзывать!
Буду дерзкими речами
В черном зверстве обличать!
Должен огрубеть,
Загреметь
Голос мой! ..

— Коль умеешь петь, —
Пой!

**Хула
на медведя**

— Его лапы —

кривые лопатки,
которыми женщины роются в грязной
остывшей золе...

Его очи —

пустые консервные банки с вонючей водой,
что валяются на замшелой скале...

Рот его —

осклизлая темная яма,
в которую сыплют дерьмо,
льют помои и грязь, —
все смердит в этой черной
и мерзостной мгле...

А наши звери — хороши,
Мы все не чаем в них души,

Уж таково-то хороши:
Гляди и не дыши!
Наступит солнечный денек —
Все звери сядут на пенек,
Их спины золотом горят,
Они сидят и говорят:
— Лягушки наши, ей-же-ей,
Медведя вашего милей.
А ваш медведь
Горазд реветь,
А не на что и посмотреть.
Ат-ат!
Ат-ат!
Ат-ат!

Дума
медвежьей головы

Лучины треск и пых,
Потемок пелена
И лиц берестяных
Два белые пятна.
Прерывист, жарок дых,
Бранчливых слов не счесть,
С ягушек меховых
Летит клоками шерсть.

На небе — ни звезды.
Чернил чернее ночь.
Кривляясь, из избы
Уходят маски прочь.

Вся горница в дыму.
Вдали кричит сова.
Глядит в ночную тьму
Медвежья голова.

Ей слышен шум травы,
И плещущий ручей,
И думы головы
Одна другой мрачней:

«Я не пойму людей,
Мне их поступки странны:
Зачем душе моей
Они наносят раны?
О горя черный яд,
Ты не прольешься мимо, —
Они меня бранят,
Как скользкого налима,
Хуля меня, кляня...
А в чем моя проруха?..
Зачем тогда меня
Они считают духом,
Жгут в честь мою огни,
В делах удачи просят,
Мне молятся они
И жертвы мне приносят?
Столкнутся ли с бедой,
Согнутся ль от кручины, —
Тогда передо мной
Они сгибают спины.
Но лишь беда пройдет,
Кручина их оставит, —

Всяк на меня плюет
И всяко худославит...
Живешь ты то — грубя,
То — ластясь, то — переча...
Я не пойму тебя,
Отродье человечье!
Каков же ты?.. Каков?..
Ты подл иль благороден,
Правдив иль блудослов,
Что ни на что не годен?
Ты слаб или силен?
Ты добр иль бессердечен?
А коль ты в жизнь влюблен,
То смертен или вечен?
Ах, это ни к чему...»
...Опять кричит сова.
Глядит в ночную тьму
Медвежья голова.

Молитва

Нашу мягкую молитву,
Что мехов собольих мягче,
Перед кем мы здесь расстелем?

О, кружащийся как ветер
В мировых семи пределах,
Совесьь мира, страж вселенной,
Друг людей Мир-суснэ-хум!¹

¹ Мир-суснэ-хум — всевидящий дух, страж вселенной.

Ум твой, легкою снежинкой
Падающий на землю,
Пусть к нам в йзбу упадет!
Нашу жаркую молитву
Пусть твое услышит ухо,
О целящий боли мира:
Золотую чашу дедов,
Чашу, из которой ели
Семь охотников-мужчин, —
Чайка хитрая украла.
Горе, горе бедным манси!

Немощных людей потомки,
Где и как теперь найдем мы
Золотую чашу счастья?
Черных семь ночей ненастных,
Семь седых веков мы ищем
Чашу эту, и не можем,
Как ни бьемся, отыскать.
Может, в землю провалилась?
Может, спряталась на небе
В дождевых колючих тучах,
Что пасет в небесной тундре,
На седьмом живущий небе,
Нуми-Торум¹ — бог богов?

В йзбу, полную народа,
Падающею снежинкой,
Дуновеньем легким ветра,

¹ Нуми-Торум — верховное божество мансийской мифологии, которому подвластна вся вселенная.

Упади хоть на мгновенье,
Прилети на миг единый,
Друг людей Мир-суснэ-хум!
Сыновья твои лесные
Взор к тебе свой обращают,
Плачутся соленым плачем,
Молят сладкою молитвой:
Вора чайку излови!

Если ты ее поймаешь,
Если ты вернешь нам чашу,
То тебя мы не забудем,
Будем мы тебе молиться —
Ночью, днем, зимой и летом —
Сколько будет мир кружиться!

Коли жертву ты захочешь —
Принесем тебе мы жертву
И последнего оленя
Для тебя сейчас заколем!
Прикажи:

по липкой грязи,
Извиваясь словно черви,
Станем ползать мы на брюхе,
Ниц упав у ног твоих!
Белой шерстью, алым шелком
Рукава широкой шубы
Разошьем и разукрасим.
Воротник твоей одежды
Мы узором разрисуем.
И пока не сложим в землю
Мы голов своих косматых,

Никогда мы не устанем
Украшать твою одежду!

Помоги нам,
Пособи нам:
Вора чайку излови!

**Вторая дума
медвежьей головы**

«За убранным столом сижу
С охотниками наравне,
На яства жирные гляжу,
Щекочет запах ноздри мне.
Ох, только б запах вкусных блюд
Мой ум звериный не убил,
Огней мельканья пестрый зуд
Мне зоркость взгляда не затмил,
Молитв, похвал нестройный гуд
Мой чуткий слух не оглушил...»

Головушка моя, держись,
Устало к полу не клонись
И не боли от трудных дум, —
Пусть мой звериный цепкий ум
Все тайны распознает,
Смысл жизни разгадает!

* * *

Я гляжу в людские лица, —
Люди знают, как молиться:

Жертвы идолам приносят,
У богов подачек просят,
К небесам возносят зов, —
Сыплют яркий бисер слов,
Плачут, упадают ниц,
Превозносят важных лиц,
Перед силой гнут главу,
Топчут робкую траву».

Танец Чайки

В переполненную народом избу вбегает Чайка. Хватает со стола сияющую чашу — и за пазуху прячет.

За Чайкою вслед Мир-суснэ-хум, всевидящий дух, появляется в избе. Он на деревянном белом коне, гремя колокольчиками, гонится-мчится за Чайкой. Скача, спрашивает у людей:

— Когда здесь Чайка прошла?

Люди говорят:

— Семь дней тому назад проходила мимо нас Чайка.

Мир-суснэ-хум подгоняет коня, скачет быстрее и быстрее, на одной ножке подпрыгивает, напевая:

«Золотую чашу,
Которая кормит народ мой,
Серебряную чашу,
Которая кормит народ мой, —
Похитила Чайка!

Конь мой,
Белый конь с пестрыми боками,

Конь мой,
Зверек мой,
Быстрее скачи, быстрее!»

Скачет Мир-суснэ-хум и опять спрашивает:
— Когда прошла Чайка?
Сидящие на полу говорят:
— Вчера прошла...
И опять скачет он, пляшет и напевает:

«Как иссякшая таежная речка,
Живот моего бедного народа высох.
Сердце народа жаждет пищи...
Богатую чашу с народной пищей
Чайка украла!»

Скачет и скачет Мир-суснэ-хум. Вот уже он видит Чайку. Мчится быстрее его конь.

Догоняет Чайку Великий Дух. Настигает Чайку Великий Дух, гонит и бьет ее.

Падает Чайка.

Мир-суснэ-хум из-за пазухи Чайки выхватывает-вытаскивает сверкающую чашу.

— Вот ваша чаша! — кричит он народу и бросает чашу прямо в руки людей.

— Вот ваша чаша! — кричит он и удаляется в стремительном огненном танце.

Третья дума медвежьей головы

«Золотая чаша манси,
Чаша с сытной едою,
В песнях смелого народа
Тыщекратно ты воспета.

Золотая чаша манси,
Где ты: в небе? .. под водою? ..
В чьих руках сейчас ты, чаша?
Отзовись скорее: где ты?
Может быть, тебя украли,
Может быть, тебя продали,
От голодных прячут ртов? ..

Погляжу-ка я направо:
Там сидит бедняк-охотник,
Он лишь край той чаши видит,
Вкусный запах в нос ползет.
Может быть, в Медвежий праздник —
Как собаке в подворотне —
Пищи лакомый кусочек
И ему перепадет.

А потом семь лет голодных
По тайге бродить он будет,
Будет есть из снежной чаши,
Пить из ледяной водицу,
Засыпать в постели снежной...
Только чашу не забудет,
Золотую не забудет,
В снежных снах она приснится,
В теплых снах ему приснится...
Погляжу-ка я налево:
За столом сидит за длинным
Мутноглазый человечек
С языком большим и липким.
Языком своим липучим,
Будто жалищем пчелиным,

Он сердца людей наивных
Протыкает без ошибки.

Как слепень, слова-яички
Он откладывает в сердце, —
Вырастают из яичек
Гусеницы серых мыслей.
Гусеницы гложут сердце,
В закоулках мозга 'вертятся, —
Робость, тупость и смиренность,
Как тряпье, в мозгу повисли.

Он в сердцах людей молитву
Выцарапает ногтями, —
И в молитвенном порыве
Люди будут падать ниц, —
Вот тогда он чашу манси
Схватит сальными руками, —
Алчность «липкого» не знает
Ни пределов, ни границ.
Будет жрать, пока не охнет,
Будет жрать, пока не сдохнет,
Но другому — не отдаст!

Кем он прежде был на свете?
Кто он, этот языкастый,
Мутноглаз колдоголазый,
Тот слепень липкоязычий?
Из какого же он рода?
Из какой-такой он касты?
Может, он — шаман-кривляка,
Колдунище диколикий? ..

Может, он — кулак отпетый —
Обирало-объедало? . . .
Может, поп долговолосый,
Что таежников крестил?
В золотой парчовой ризе,
С бородою как мочало,
Он язычникам на груди
Вешал желтые кресты. . .
Может, был он прохиндеем,
Оборотливым купцом,
Что народ таежный — манси —
Терпким спаивал винцом,
А винище не простое —
На табачном на настое. . .

Это было, было, было!
Знамо, было, — только сплыло,
Было, сплыло и прошло —
Обским паводком снесло. . .

В наше время, в наши годы
У него — иное имя,
Но язык большой и липкий,
Как и прежде, у него.
Он такой же мутноглазый,
Так же тянется руками
К чаше сердца моего.

Он прикинется добрейшим,
Этаким рубахой-парнем,
Будет он тебя, как друга,
Крепко хлопать по плечу,

Потом делают вид, что с трудом что-то вытаскивают из воображаемой ямы, крича:

— Медведь наш! Милый медведь наш! Наш могучий лесной зверь! Наш могучий луговой зверь! Не мы убили тебя. Тебя убило ружье. Не мы!..

Пляшут перед медвежьей головой охотники. Пляшут, будто молятся на медвежью голову.

Четвертая дума медвежьей головы

Да, правду говорят:
Ружье меня убило.
Смертельным был заряд,
Ужасна пули сила.

Кругом огни горят,
Лучина догорает...
Да, правду говорят:
Ружье само стреляет.

Но в чьих руках ружье
В тот страшный миг дремало,
Когда житье-бытье
Мне пуля оборвала?

Кто трав топтал ковер,
Брусники одеяло,
Когда, почти в упор,
Ружье в меня стреляло?

И чей в тайге костер
Горел светло и ало,
Когда, почти в упор,
Ружье в меня стреляло?

Над тундрою гроза
Гремела и ревела...
Мансийские глаза
Прицелились умело.

Таежная река
Глаза свои скосила...
Мансийская рука
Курок ружья спустила.

Полночный черный час
Играет в чет и нечет...
Но почему ж сейчас
Звучат кривые речи?

Рассевшись вокруг стола,
Друг дружку хором хвалят,
А черные дела
Они на ружья валят...

...Черный глаз мой видит далеко,
Видит глубоко и высоко.
Чует ухо черное отсель
Русский лад за тридевять земель:

«Вот мужик. Когда придет черед,
Скатерть-самобранку развернет,

Кликнет клич: своих друзей-врагов
Пригласит отведать пирогов.
Будут гости вдоволь есть и пить
И захлеб хозяина хвалить,
Возносить аж выше и нельзя...
Таковы они — враги-друзья.

А мужик — на то он и мужик,
Он давно ко всякому привык,
Для него хвала и брань — не в счет,
Он все выдюжит и все снесет,
Ясен взгляд и плечи широки:
Вот они какие — мужики!»

...А за столом — содом:
Ругают всё на свете.
Я слушаю с трудом
Кривые речи эти.
О злые языки,
Постойте, погодите,
Упрячьте коготки
И на меня глядите!
Шуршит плакун-трава
В тайге от ветра злого.
Медвежья голова
Сейчас вам скажет слово.
То слово коротко,
Как северное лето.
Его сказать легко —
В нем лжи ни капли нету.
Выходит лось к реке
И в лес уходит снова.

О русском мужике
Мое лесное слово:
— Он мудр, настойчив и силен,
И справедлив он испокон,
И дружбе верен он.
Голодного — накормит он,
Холодного — согреет он, —
Таков его закон.

Быть может, для путей морских
Корабль на крыльях колдовских
Построит завтра он.
А послезавтра — на луну,
Пронзив небес голубизну,
Ворвется как циклон.

И, коль рука его мощна,
Коль сделать может все она,
Коль он умом берет, —
Зачем, печалиться спеша,
Твоя омрачена душа,
О маленький народ?! . .

Клубятся в небе облака,
Над миром пролетая.
Большое сердце мужика —
Что чаша золотая!

Его не нужно величать,
Его не нужно прославлять
И восхвалять как бога.
Но что тебе его бранить?

За что тебе его хулить?
Ведь он тебе — подмога.
Сладка как патока хвала.
Хула — как липкая смола.

Мне виден в облаках просвет.
Эй, люди, лучше будьте, —
Кривую песню давних лет
Скорее позабудьте!
Ищите новые слова.

Так говорит вам голова...

Песня, упавшая с неба

Тесно в избе. Душно в избе. Медленно, важно ступая, входит в избу Берестяная Маска. Должно быть, это очень важная особа, потому что при ее появлении заиграли все санквалтапы, а многострунный журавль, чей голос звонкий вешней водой звучит, колокольчиками позванивает. И поэт Песенный Человек, поет-сказывает о священном звере, спущенном на железной цепи с неба.

На седьмом небе растят Медведя —
Нуми-Торума сына,
В светлом доме лелеют Медведя — Духа Лесного.
В изголовье подушки высокие ночью кладет он, —
Они ему кажутся ниже, чем палые листья.
В изголовье подушки низкие ночью кладет он, —
Они ему кажутся выше, чем снежные горы.

Он отца своего, Нуми-Торума, умоляет:

— Отпусти ты меня, отец, на зеленую землю,
На зеленую землю из ярко-зеленых сукон.
Отпусти ты меня, отец, на красную землю,
На красную землю из ярко-красного шелка,
Отпусти на счастливую землю, где живут
веселые люди!

Кузнеца одежду надевает небесный отец Нуми-Торум,
Начинает он в небе ковать, начинает кузнечить,
Молоток его цокает, по небесной стучит наковальне.
Так проходит три дня, и еще проходит четыре,
Отковал небесный кузнец красивую люльку,
Изукрашенную серебряными ободками,
И железную цепь крепко-накрепко привязал к ней.
Вот зовет Нуми-Торум сына — Медведя, Лесного Духа,
Говорит: — Ты ложись, сынок, в красивую люльку! —
Опускает Нуми-Торум железную цепь с седьмого неба,
Как серебряные рубли цепь звенит, с облаков
опускаясь.

Дунет ветер горластый с белым голосом северным —
В край горячего лета относит люльку с Медведем.
Дунет ветер горластый с желтым голосом южным —
В ледовитое море, в студеное море относит.
Меж землю и небом седьмым болтается люлька,
Поднимается и опускается люлька от ветра.

— Эй, отец мой, отец Нуми-Торум, — меня укачало:
Либо вниз опусти меня, либо втащи меня в небо!

На седьмое небо Медведя втащил Нуми-Торум.
В светлый дом отца своего Медведь тихонько
поплелся.

Но не спится Медведю в берлоге его звериной,
Он ворочается в гнездовье своем соболином.

И опять идет он к отцу и жалобно просит:

— О, отец мой божественный, отпусти меня вниз,
на землю! —

И, подумав, говорит Медведю-сыну Нуми-Торум:

— Хорошо. Только помни: там, внизу, ты не трогай

Похороненного в тайге зеленой,

Ледяного неведомого человека!

Его капище, что к лесной притулилось опушке,

Никогда ни за что разорить не пытайся!

Отпустил Нуми-Торум с седьмого неба Медведя-сына,

Опустил его вниз в люльке с серебряными ободками.

Вот шагнул Медведь-сын из люльки на зеленую землю:

Сюда ступит — топь-болото; туда ступит — вода

брызжет.

По всем семи уголкам лесной чащобины бродит.

Комары его заедают, голод брюхо ножами режет:

Мало ягод в лесу уродилось, шишек вызрело

в недостатке...

Как-то раз, за спиной деревянной горбатой деревни,

Где полным-располно молодых парней и девчонок,

У опушки лесной он набрел на освященное капище

манси,

Что стояло на толстых столбах четырех деревянных.

Он швыряет на землю идолов, вырубленных из березы,

Рвет на клочья цветные платки, принесенные

в жертву духам.

Сруб из бревен столетних четырехугольный находит,

Труп вышвыривает из него обледенелый

Ледяного неведомого человека
И уходит, в сырую тайгу он уходит...

Наступает осень с сырыми дождями,
С золотыми листьями осень приходит.
Сын Медведь высоченный бугор находит,
Высоту в три человеческих роста,
Строит дом у бугра, и спать он ложится,
И впадает в сон с семью корнями.

... Вот однажды, сквозь сон дремучий, он слышит:
Где-то, рядом совсем, захлебнулась лаем собака
С небольшого лосенка величиною.
А потом ему ветер весть приносит,
Что три рослых человеческих сына,
Убивающих первыми первых казарок,
Натянули луки свои тугие.
Как три черных ворона каркают луки:
Карр!.. Карр!.. Карр!..
... Лишь потом очнется душа Медведя,
В человеческом доме она проснется...

... Расстегнули охотники пуговицы на шубе медвежьей,
Сняли шубу мохнатую с могучего зверя,
Положили его в люльку из ивовых прутьев
С пятью ободьями из рябины,
Усадили на шестилапую нарту,
И подвозят Медведя к деревянной деревне.
Выбегает навстречу народ любопытный...
Три охотника ревом ревут звериным,
Аж четыре раза рычат по-медвежьи:
«Утчү-ва-нэ-е!..»

Веселят охотники зверя игрой дождевою:
Водой чистейшею, летом, друг в друга плещут.
Зверя снежной игрой, зимой, они развлекают —
Швыряют друг в друга холодным снегом.
Чистыми, как утренний ручей, руками
Поднимают зверя с шестилапой нарты,
Осторожно в избу его вносят,
Там усаживают его с почетом
На столе, красным сукном покрытом.
И сидит, среди счастья зеленого шелка,
Голова Медведя с большими зубами.

Много широкогрудых мужчин приходят в избу.
Духами призванные, пять ночей никуда не уходят
люди,
Небом приказанные, семь ночей веселят они зверя, —
Перед ним они пляшут крылатые пляски,
Громкой песней хвалебной его величают.
Дерево с семью жильными струнами берут в руки,
Дерево с семью струнами — журавль мансийский.
Нижнюю струну его тронут — хулят священного зверя,
Бранят за то, что мешал он людям,
За то, что людей задирали неповинных.
Верхнюю струну тронут — заклинают зверя заклятьем,
Ублажают его молитвой,
Величают «Могучим Духом»,
Главою рода стать его просят.
Так, в новый, в богатырский путь его провожая,
Воспевают его, проклинаят его, умоляют и бьют.
Люди молятся на него, пляшут возле него,
Песни хором поют, возвеличивают его,
Чествуют!

**Пятая дума
медвежьей головы**

.. На столе большом сижу,
На столе большом священном,
С высоты стола гляжу
На людей, на пол, на стены.
Ночь — к рассвету. Я не сплю,
Думу думаю свою..

Обескровлен я, бессилен,
Но глаза мои глядят:
Люди, что меня убили, —
Супротив меня сидят.
Брагу пьют, мясо едят,
Злые речи говорят.

Глаз мой видит, слышит ухо,
Как, насмешку затая,
Все зовут священным духом
Низведенного меня,
Кормят горькими кусками,
Бьют проклятьями-кнутами...

Я бы грыз их и царапал,
Опьяневших от вина,
Я б их сшиб когтистой лапой,
Да... отрублена она.
Я бы шкуру с них спустил,
Да подняться нету сил.

Я б в них выстрелил словами
Как железною стрелой,
Но язык они же сами
Вырвали из рта долой.
Не раздастся грозный рык, —
Съеден с водкой мой язык.

Нету тела, нету лап —
Я — неловок, я — ослаб...

Если ж людям не по нраву
Будет мой звериный взгляд,
То тогда они, по праву,
Влепят в черный лоб заряд,
Полетит в глаза зола,
Сбросят на пол со стола.

Голова болит от шума,
От мелькания теней...
Только думать, думать, думать
Разрешают люди мне.
В синем дыме, в полумгле
На большом сижу столе.

Я сижу, молчу как рыба,
Никого я не корю,
Людям, в мыслях, «пумасиба!»¹
Я сегодня говорю,
Людям, что в последнем сне
Не мешают думать мне.

¹ П у м а с и б а — спасибо.

Сколько вам угодно, люди,
Столько буду здесь сидеть.
Петь мой рот беззвучно будет,
Вместе с вами молча петь.
Из бутылки пробку выбью,
Золотую чарку выпью.
Караси жируют в ряске.
Коростель скрипит в овсе.
Прогляжу все ваши пляски,
Песни выслушаю все.
Буду слушать здесь, в углу,
Всю хулу и всю хвалу.

За радушие «спасибо»
Ныне людям говорю.
«Пумасиба! Пумасиба!» —
Я людей благодарю.
За окном — вороний грай.
Ты — играй, журавль, играй! ..

Пойте, люди, и пляшите,
В такт руками вы машите.
Елки взяв наперевес,
Вместе с вами пляшет лес.
Славен наш таежный край! ..

Ты — играй, журавль, играй! ..

Журавль, играй!

Кен-кеным,
Кеным, кеным.
Трень-брень,
Дзинь-звяк.
Сизый дым.
Белесый дым.
Завершаю песню так:
— Мой журавль певучий,
Играй —
Комаром пищи,
Пургой завывай,
Засвисти щеглиным свистом,
Закатись ребячьим визгом,
Медведем реви,
Росомахой рычи,
Громом греми,
Чайкой кричи,
Грустящею девушкою вздыхай —
Величие сердца
Народа моего
Воспевай!

Кен-кеным,
Кеным, кеным, —
За окном рассвета дым.
Взмахом черного крыла
Ночь медвежья проплыла.

Птах залетных гомон звонче.
День в избу шагнул с крыльца.

Только праздник наш не кончен,
И у песни нет конца.

Быстро день-олень умчится
В ледовитые края,
Новой ночью зародится
Песня новая моя.

И, когда над домом нашим
Расцветет цветок луны,
Мы опять споем и спляшем
По завету старины.

Тот, кто голос понимает
Бьющих из земли ключей,
Неприменно разгадает
Песни всех семи ночей:
Проплывут лесные были
Перед дулами зрачков, —
Ты поймешь, как манси жили
Семь седых, глухих веков.

Полюби Медвежий праздник, —
Стань их жизни соучастник!

...Тень горбата и рогата, —
Рано песни затевать.
Мне б хотелось до заката
Хоть немножко подремать.

Скажут: вот развел «бодягу»,
Вспоминая старину.

Можно, я вот тут прилягу,
В сны цветные загляну?

Вы уж строго не судите,
Люди — добрые сердца,
Коль хотите — отдохните
Или выпейте винца.

Или в желто-розоватый
Окунитесь в теплый сон,
Как морошка сладковатый, —
До чего ж душистый он.

Может, эти сны и песни
В глубь веков укажут путь.
Только все же интересней
В будущее заглянуть! . .

Эй, журавль! — людей мани
К песням вечно молодым.
Ты, струна моя, звени:
Кен-кеным,
Кен-кеным. . .

*Москва,
ноябрь, 1967 г.*

КАРА-ЮЙЯ!

Я — певец глухариных урманов,
Я — шаман зацветающей тундры,
Сын Луны и племянник Солнца,
Заклинатель неправды и злобы,
Юван с Сосьвы — Реки Горностаев, —
Позабыл все свои заклинанья,
Сдал в музей бубен громкопоющий,
Бубен из лоснящейся кожи
Белого годовика-оленя, —
Колдовать я теперь зарекаюсь
И шаманить уже не хочу!
Кара-кий-я!¹ Хос-хос!
Кара-кий-я!

* * *

... Дымно-кроваво блестя
Отблеском дальних пожаров,
Черные вести летят
На черных крыльях гагары.
Проливню горьких вестей
С крыльев гагарьих пролиться...
Над головою моей
Кружит чернозобая птица.

¹ Кара-кий-я! — Отрекаюсь! — восклицание во время пляски.

И, сквозь настой тишины,
Синей, густой и соленой, —
В шорохе крыльев слышны
Жалобы, крики и стоны.
Так открывается мне
Мир раскаленных звуков:
Грохот и хруст камней,
Месиво лязга и стука.
Падая, рвется снаряд.
Лают как псы пулеметы.
Змеями мины шипят.
Быками ревут самолеты.
Свист, перехлест ветров,
Едкий запах угара.
Капает алая кровь
С черных крыльев гагары.
Огненный дождь льет, —
Хлещет косо и прямо...
Входит в сердце мое
Большая Беда Вьетнама.

* * *

По утрам рассвет над Вьетнамом кроваво-красный.
Кара-юйя!¹
Вечерами закат на Западе кроваво-красный.
Кара-юйя!
Нечего плакать и нечего ныть понапрасну,
Ой-я! Ий-я!

¹ Кара-юйя — неперебиваемое восклицание танцующих (с маской из бересты на лице) во время Медвежьего праздника.

Если день над миром встает
(От гари и копоти грязный...
(Ой-я! Ий-я!

Алой кровью вьетнамцев корни бамбука политы, —
Бамбуку больно...

(Ой-я! Ий-я!
А не этой ли кровью
Густо заляпаны плиты
Перед памятником Линкольна?!
Ой-я! Ий-я!

Кто ж повинен, что в этом подлунном мире
Гремит война,
Что снарядной метелью
Земля сожжена и изрыта?
Кара-юйя!
Нет, конечно, конечно, — не ваша в этом вина,
Господа с Уолл-стрита!..
Ой-я! Ий-я!

Ваши души господь соткал из нежнейшего из эфира
И покрыл их глянцем,
О блистательнейшие заправилы «свободного мира» —
Демократы и республиканцы.
Ой-я! Ий-я!

О, добрейшие!..
Сердца ваши в предвечерней тиши
Загрустят и слезой обольются...
Благородны движенья вашей светлой души,
Гуманисты!.. Человеколюбцы!!..
Ой-я! Ий-я!

От занозы на лапке кошачьей — ранки...
— Ах!.. Жаль!..

Кости людям ломая, грохочут танки...
— Не моя печаль!..

На окошке цветок хиреет и чахнет...
— Погибнет, боюсь!..

Человеческой кровью в мире пахнет...
— Ну и пусть!..

Над издохшей собачкой любимейшей
Погребальных речей
Растекся ручей:
— Ка-а-ккая уж-жасная дра-ма!..

Черепами сынов ваших вымощен
Путь через джунгли Вьетнама.

Кара-юйя! Хос-хос!
Кара-юйя!

А пока во Вьетнаме гудит война,
В лихорадке трясется ваша страна,
За войну голосуют в сенате «столпы»,
Поминают убитых в молитвах попы,
И захлебывается в истерике
Ваш истошный «Голос Америки»:
 «Попирают права Человека
 Вандалы XX века,
 Угрожают культуре и цивилизации,

Хотят уничтожить все белые нации
Эти раскосые,
Черноволосые,
Желтолицые «вьетконговцы» —
Злейшие наши враги!
Стреляй их!
Жги! ..»

* * *

В коротком сне, тревожном и тяжелом,
Я стал Вьетнамом, гордым и веселым.

Я жил свободно, жил, не зная горя,
На берегу бушующего моря.

Но серой паутиною паучьей
Заволокли большое солнце тучи.

Врагом, пришедшим из-за океана,
Кровоточащая нанесена мне рана.

Седые волны в берег бьют упрямо.
Дымится кровь, святая кровь Вьетнама.

.. .Проснулся я. Еще серо и рано.
В груди моей болит Вьетнама рана.

Ужель ты можешь к боли притерпеться,
Мансийское мое лесное сердце?! ..
Кара-юйя!
Кара-юйя!

* * *

И вот беру я с музейной полки
Звонкий бубен мой, древний мой бубен,
Бубен лесного моего народа,
Бубен тундрового народа.
Музейную пыль я с него сдуваю,
Осторожно его вытираю,
Древний бубен мой, звонкий мой бубен,
Рукавом своей белой рубахи.
Над костром добра его грею,
Грею над пламенем светлой надежды
Бубен из гладкой оленьей кожи,
Грею, чтоб кожа его натянулась,
Чтобы охотней она отвечала
На удары моей колотушки,
На удар птичьей жилистой лапки,
Лапки птицы большой черноперой,
Птицы вещей — крикухи гагары.
Кара-юйя! Хос-хос!
Кара-юйя!

* * *

Только раз в бубен громкопоющий
Колотушкой ударил я черной.
Только раз. Один лишь раз.
Ой-я! Ий-я! Ой-я! Ий-я!

— Слушайте это слово,
Люди, живущие в чумах,

Манси — лесные души!
Слушайте! ..
Слышите? ..

Снова
Земля содрогнулась от шума
Взрывов, от грохота пушек.
В дальней части планеты,
В городах какой-то державы
(Догадайтесь сами: которой?),
Появились вдруг
Людоеды,
Людожоги
И Людодавы,
Людогрызы
И Людожоры! ..

Жили люди на свете,
Радуюсь солнечной ласке, —
Сеяли, жали, любили. . .
Откуда же Чудища эти
Вышли? Из страшной сказки?
Или из черной были?

.. Посевы под солнцем дремлют.
Бамбука неясен лепет.
Плещется рыба в реках.
Жатвы приходит пора. . .
Чудища жирные земли
Превращают в горячий пепел.
Для них убить человека —
Все равно что убить комара.

Эй, манси — лесные души,
Спокойны дымки ваших чумов,
Прямые, словно хорей¹,
Стоят они над тайгой...
Вам надо учиться слушать
Чудищ черные думы,
Свой взор отточите острее
Радугою-дугой!

Слышишь, народ мой? ..
Слушай!

Пускай побелеют ночи,
Пусть Арктика станет знойной,
Огонь побежит по воде,
Пусть струнами станут души,
Пускай они грозно рокочут:
«В мире неспокойно, —
Убивают людей! ..»

* * *

Дважды в бубен громкопоющий
Бью я заветною колотушкой.
Дважды в бубен я громко бью!
Ой-я! Ий-я! Ой-я! Ий-я!
— Эй, вы,
Убийц родившие, Громады-Города!
Ужели ваши каменные лица
Еще не покраснели от стыда?

¹ Хорей — длинный шест для управления упряжными оленями.

Ужель и вы такие же убийцы?!
Кара-юйя!

Ужели ваши каменные лбы
Не сморщились от ужасов, творимых
Сынами вашими в чужой земле?
Глядите:

 пламени стоят столбы,
И дети задыхаются от дыма,
И вся округа в пепле и золе,
В золе и в пепле. . .
Кара-юйя!

Ужели ваши каменные руки
Не могут их, рассудок утеравших,
Остановить?

 Ужели ваши души
Настолько заскорузли, что и мўки
Горящих, от напалма смерть приявших,
Покоя каменного не нарушат?
Кара-юйя!

А может, вы навеки утомились
От взгляда солнца, от улыбки ветра,
От груза знаний, тех, что накопились
В хранилищах, в библиотечных недрах?
Ужели Смерть — сообщница Науки?
И разве вам сегодня безразлично,
Какими завтра будут пять частей
Земли, ее лицо, и голубые руки
Воды, и голубые глаза детей,

И день, как жизнь обычный?!
Кара-юйя!

Ужели беспредельное познание
Ведет к безверию и безразличью?!
Ужель Война — лишь только наказание
За тягу человечества к величию?!

...Квасцами кожа бычая дубится.
От едкой соли раны тяжело саднит. . .
А может быть, и сам ваш бог — Убийца,
Кровавое Убийство — вот ваш праздник?!
Кара-юйя!
Кара-юйя!

* * *

Трижды бью я в мой старый бубен
Лапкой птицы-гагары горластой.
Ой-я! Ий-я! Ой-я! Ий-я!
Трижды в бубен я громко бью!

Кара-юйя! Кара-юйя!
Теперь самого себя спрошу я,
Самому себе бросаю
Я заслуженный упрек:
— Почему ж ты молчал так долго?
Почему же гражданским долгом
Так постыдно ты пренебрег?!

Может, ты жить хотел поспокойней:
Чужую беду, мол, знать не хочу я. . .

Ревом ревут быки на бойне,
Запах крови собратьев чую.
Кара-юйя!

Зная, что ша́стает смерть по лёсу,
Глядя в ночь через тьмы завесу,
Нюхая воздух, пахнувший пылью,
Нюхая ветер, пропахший злом,
Сохатые зренье свое напрягают,
Рога свои грозно к небу вздымают,
Рога, раскидистые как крылья,
Готовят копыта для встречи с врагом.
Кара-юйя!

Дружбе и братству учит Природа!
Пчелы-летуньи, сборщицы меда,
Улей родной от беды защищая,
Крылатых сестер своих выручая,
Гибнут, жалом врага поражая.
Гибнут пчелы, но в сотах живет
Сладость жизни — янтарный мед.
Кара-юйя!

Я — не пчела, не бык и не лось,
Многое в жизни познать мне пришлось,
Все это в сердце переплелось:
Голод с едою,
Огонь с водою,
Счастье с бедою. . .
Хос-хос!

Я — не пчела, не лось и не бык,
Так почему же молчит мой язык?
Так почему же песня молчит,
Если сердце мое от боли кричит?!
Хос-хос!

Я — не сохатый, не бык, не пчела,
Ненависть сердце мое зажгла.
Слушайте ж вы, вершители зла:
Я проклиная ваши дела!
Хос-хос!

Ненависть, огненным градом стань,
Ненависть, молнией с неба грянь,
Всей силою Солнца,
Всей силой Земли
Чудищ проклятых испепели!
Хос-хос!

Бубен мой старый, громче гуди,
Все человечество разбуди,
Совесьть всесветную разбереди!
Хос-хос!

Люди! Эй, люди!
Откройте глаза!
Гляньте:

 в мире бушует гроза,
Костями людей засевают поля,
Кровью потеет старуха Земля.

Солнечным утром, в полуночной мгле
Бродит Смерть по планете Земле!
Хос-хос!

Чтоб струи напалма леса не сожгли,
Чтоб реки светлó и прозрачно текли,
Чтоб дети повсюду спокойно росли,
А не корчились в смертоносной пыли,
Чтоб мир наш,

кóротно крикнув:

«Пли!» —

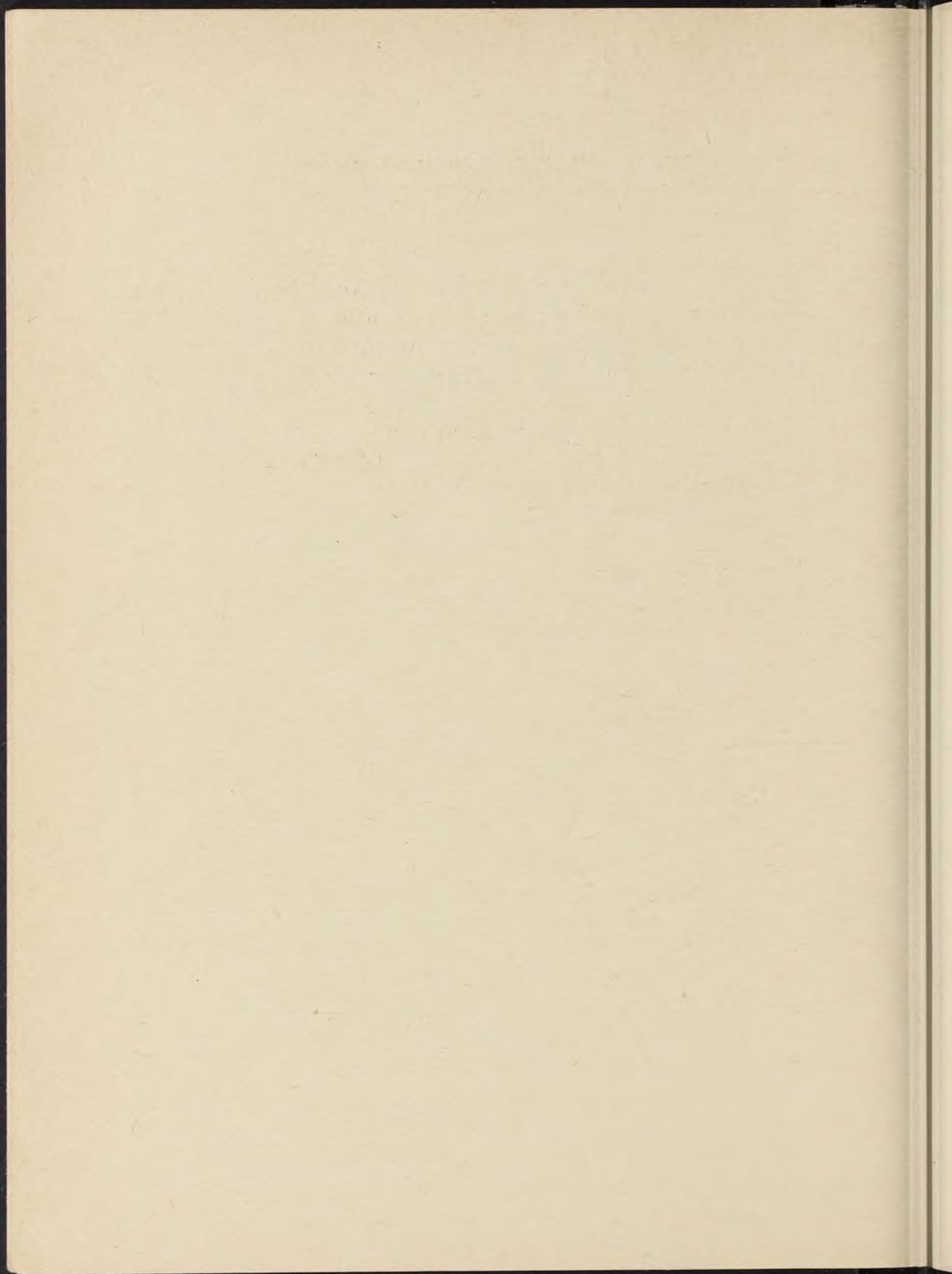
Чудища кровью залить не могли, —

БДИТЕЛЬНЫ БУДЬТЕ,

ЛЮДИ ЗЕМЛИ!

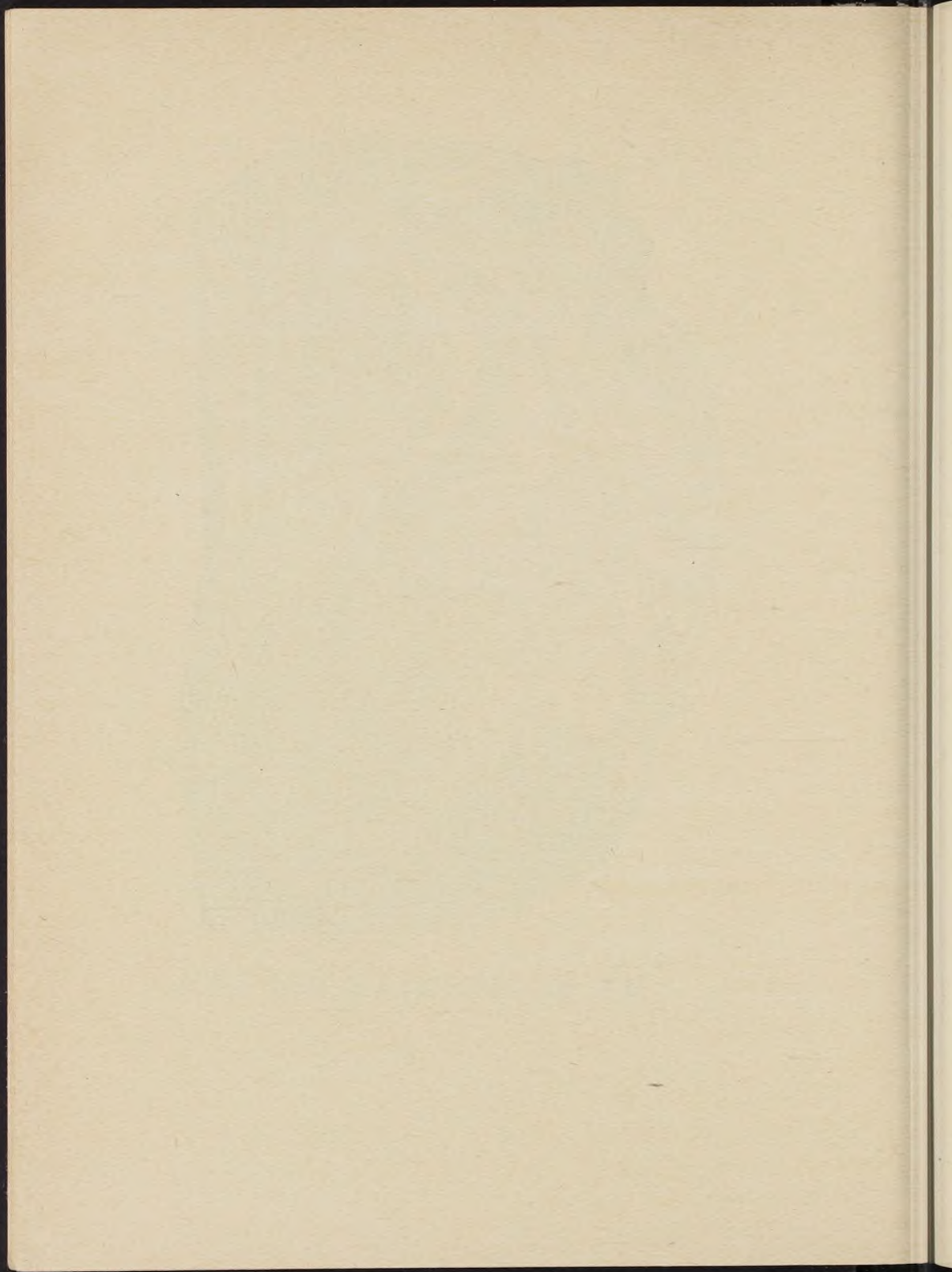
Кара-юйя! Хос-хос!

Кара-юйя!

НА ЖЕЛЕЗНЫХ ПУТЯХ

1

Глаза ты раскроешь, как двери:
и синюю,
и золотом небо посыплет
и зыбью.

И мысли твои поплывут,
словно гуси,
и в сердце закапают
капельки грусти. . .
И смотрит на мир, озираясь,
душа,
как будто ребенок грудной,
не спеша.

Поет и ревет,
и взирает с доверьем,
и кружит, быть может,
по следу оленем.
И ведать тебе не дано —
к чему твое сердце
стремится давно!

Я знаю,
что стоит глаза распахнуть —
ворвется вселенная
яростно в грудь.

А может быть,
в клетке грудной у меня
вдруг станет светлее
прозрачного дня.
А может,
душа моя в клетке грудной
вдруг встретится
с мглою беззвездной, ночной.
А может,
бессмертием вечным грозя,
в груди
поместится
вселенная вся.
А может быть, в ней
пустолайкою лает
мгновенье обиды,
что скоро растает?
И, чувствуя
в жизни тревожную дрожь,
ты настезь, как двери,
глаза распахнешь!

2

Наверно, олени мои несутся,
все время несутся рысью —
и бег их в ушах отдается у меня
серебряным звоном,
мелькают деревья, лысыми ставши без листьев,
и взгляд мой прыгает
по кронам, стужею опаленным,
скачет туда,
скачет сюда.

Смотрит вперед
и обратно тянется,
не успев на земле запомнить снега,
взгляд мой
на дальней сопке останется. . .
Не успев запомнить землю эту —
несусь куда-то,
уже по другой земле,
в других, незнакомых снегах,
и в глазах у меня остается,
застывает лишь бег крылатый,
да звонкий, железный звон в ушах!

Олени мои рысью несутся.
Только где они? Думаю снова.
Я не искал на заре их
среди кедров по тонкому следу.
Я не ловил их арканом —
тоньше червя дождевого,
не запрягал их в упряжку —
и все же лечу я по снегу!
По белому свету
в таежном лесу,
как в сказке, еду,
как в песне, лечу!
В ушах моих звон железный.
Не знаю — где же олени?
Не вижу оленей своих я, а были ведь возле!
И в нартах железных
несусь я куда-то со всеми,
и слышится только,
скрипят над снегами полозья.

Это, видно, под ними
дорога железная стонет,
стонет и гнется она,
озвучив дали окрестные,
качает дорога меня,
вот-вот и в сугробы уронит;
качает попутчиков,
а люди — они не железные!
И смотрят они живыми глазами,
где в снежной полуде
дорога дрожит от тугого
железного скрипа.
Пусть — нарта железная
и олени железные!

Люди,
спасибо, что вы не железные.
И я не железный!
Спасибо!

з

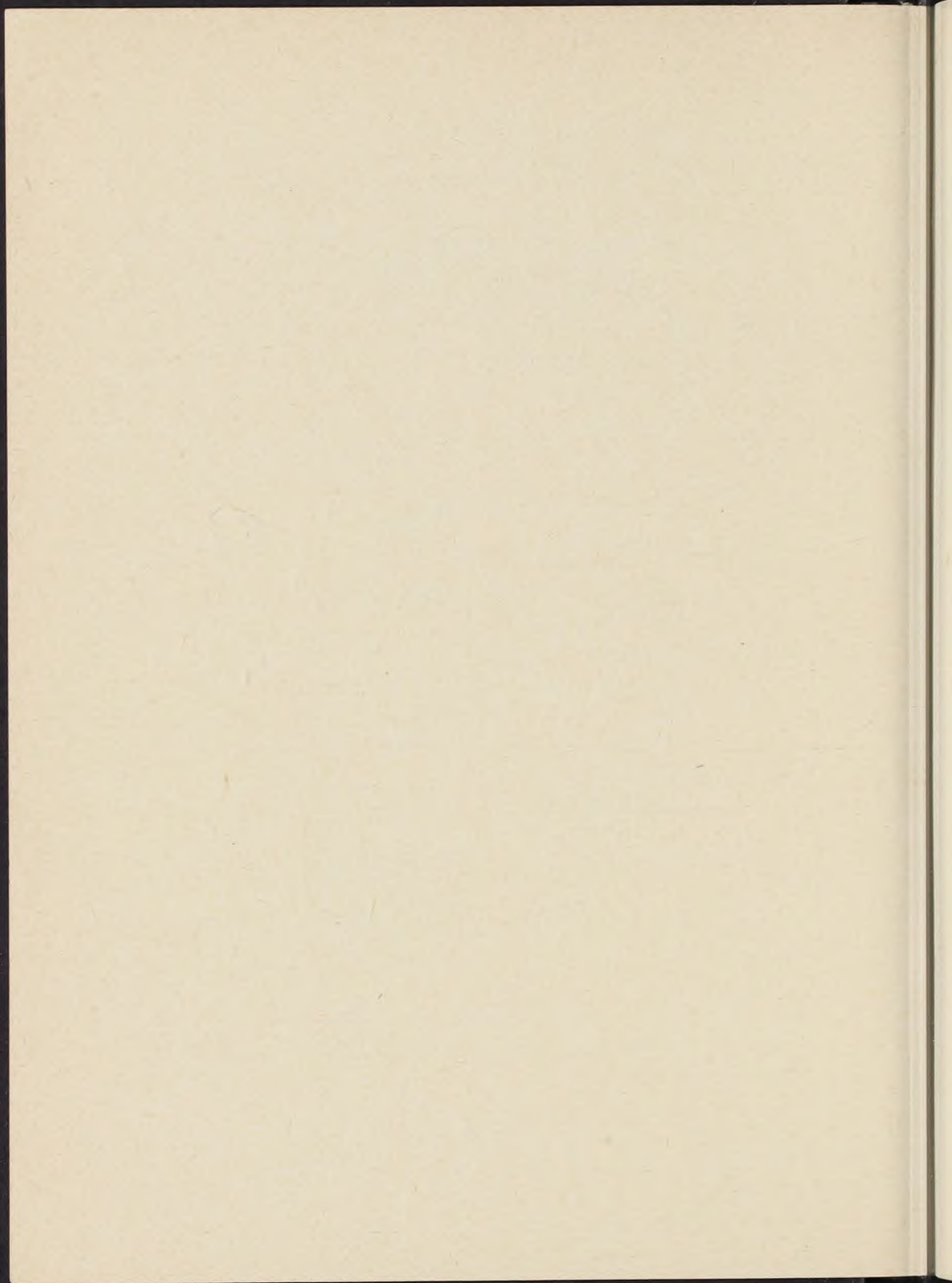
Два озера нежных перед глазами,
два озера нежных
плещутся сами,
два озера чистых под синью,
под ветром
заискрились беглым таинственным светом.
Два озера помню
навек теперь я —
и больше не вижу я
старых деревьев,

железного больше
не слышу я стопа,
и кажется домом
каюта вагона.
Неужто мой дом опустеет когда-то
и встанет на месте
железная нарта?
И могут сойти
у любого перрона
два озера синих —
два глаза влюбленных?
Мы слышим сердцами,
мы слышим друг друга,
колеса стучат нам:
раз-лука,
раз-лука! . . .
Два озера синих,
два нежных, случайных,
сейчас унесут
от меня
свою тайну.
Играют они
голубою волною —
озера, полны вы
девичьей тоскою.
Два озера нежных
все плещутся, плещутся —
сойдут и погаснут, и мне не утешиться!

* * *

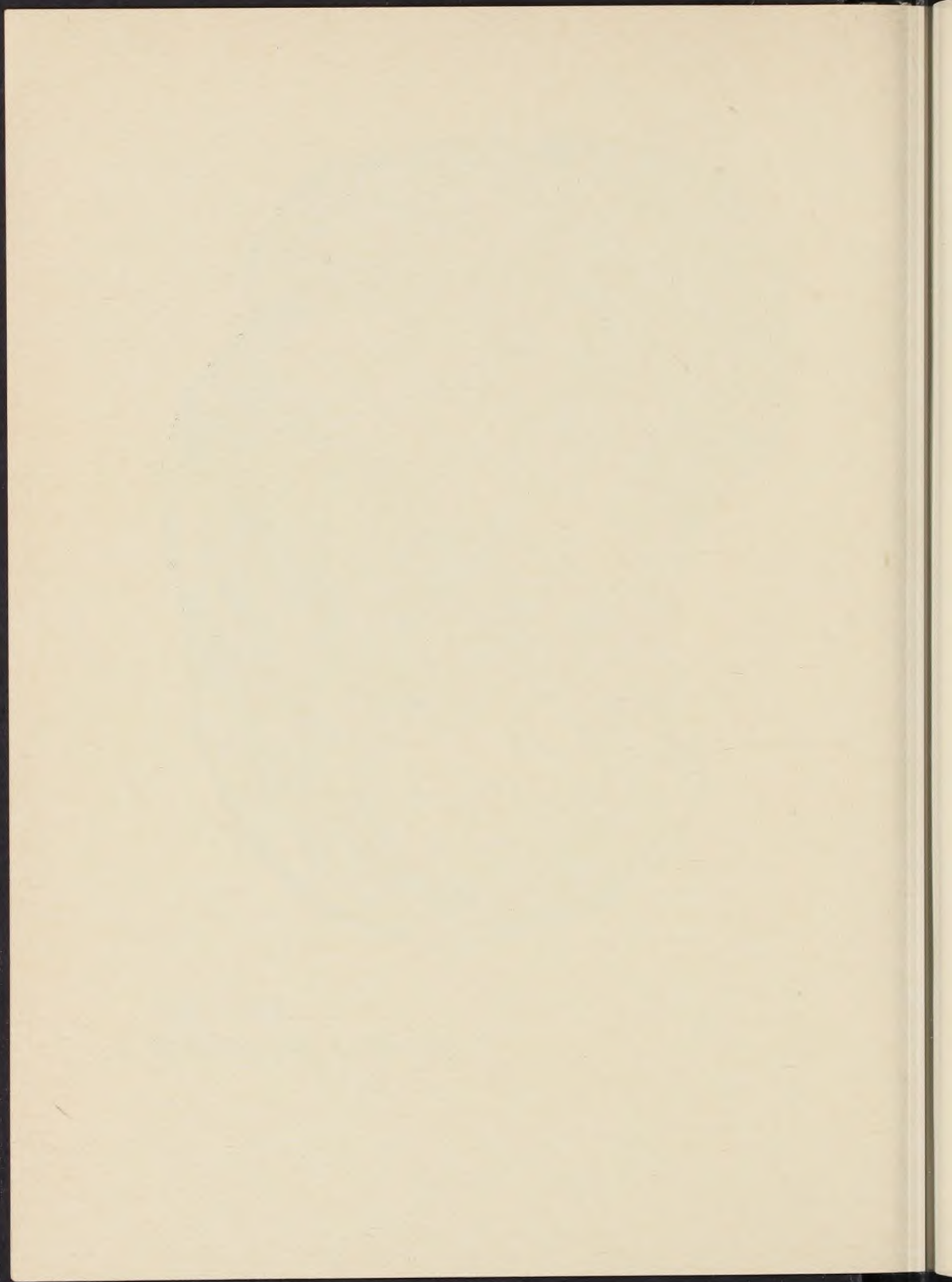
Э-ге-гей!
Быстрей! Быстрей!
Санний поезд, э-ге-гей!
Из железа поезд санний
самый быстрый,
звонкий самый,
э-ге-гей!
Кто каюр?
А кто в упряжке?
Э-ге-гей!
Путь большой, широкий, тряский —
снеговой!
День грядущий далью светит —
торопись!
Из мечты своей мы лепим
нашу жизнь!
Даль судьбы
и даль путей,
э-ге-гей!
И хотя нам, может, тесно
в длинной нарте той железной —
торопись! — железный стук.
Мы, как рыбы, в этой лодке,
мы народ совсем не робкий,
нам в охоту
ритм четкий:
Тук-тук-тук!
Тук-тук-тук!
Ритм хлесткий, ритм тряский!
Мы поймаем нашу сказку,

сами сказку сотворим —
вдаль летим!
Это ритм скоростей —
э-ге-гей!
Ну! Железные олени!
Тесновато! Но от тренья
слезет рыба чешуя.
Что с нас слезет?
Лишь сомненья.
Что с нас слезет?
Невезенье.
Что с нас слезет?
Неуменье.
Э-ге-гей! На все края!
Кто каюр?
А кто в упряжке?
Э-ге-гей! — Навстречу сказке.
Кто каюр?
Как длинный шнур,
санный поезд, поезд санный!
Кто каюр, не знаем сами —
только снег из-под копыт —
санный поезд
вдаль летит!

**ПЕСНЯ
ПРОБУЖДЕНИЯ**

Я проснулся. Рощи
Песни распевали.
Хохотали чайки.
Небеса сияли.

Двигались старушки,
Как девчонки, быстро,
И плескались стайки
Рыбы бахромистой.

Из дощатой будки
Выглянули разом
Два веселых солнца —
Два собачьих глаза.

Старые осины
С детворой шумели.
Щебетаньем птичьим
Небеса звенели.

Я проснулся. Сердце,
Что б такое спеть нам?
Мир, как я сегодня,
Стал тридцатилетним.

Глава первая

В дни, когда пургою беды
По моей земле бродили,
Когда крысы были тощи,
Как в болотах комарье,
В дни, когда отец мой в карты
Был проигран пьяным дедом, —
Зарождалось, зачиналось
Пробуждение мое.
Пробужденье до рожденья! . . .
Где воняло рыбой тухлой,
Где глаза, гноясь, болели
И тупел от водки ум, —
Наготу свою прикрывши
Недубленой шкурой жухлой,
Дед медведем черно-бурым
Уходил в таежный шум.
Был мой предок крепкой кости,
Злей морозов, злей недугов.
Что ему медведь когтистый
И когтистые ветра?
Дед не бил поклонов духам,
Звал, глумясь, шайтанов в гости. . .
Не тогда ли пробужденье
Подсказало мне — пора?
А проигранный отец мой
Выл, скулил, как пес голодный.
Гнул он лук рукой ослабшей
Для хозяина-купца,
Рыб ловил, глотая слезы. . .
Уж не тем ли днем холодным

Начиналось пробужденье —
Когда голод жрал отца?
Слезы горя, слезы гнева
Растопили горы снега,
И на крыльях птиц весенних
Прилетало счастье к нам.
Зрело, зрело пробужденье!
И большое имя ЛЕНИН
Прозвенело над рекою,
Прокатилось по лесам!
И тогда зашевелились,
Как огромный муравейник,
Батраки, и встал отец мой
С ними в ряд плечом к плечу.
А шаманы с кулаками
Как в чесотке зачесались, —
И родилось пробужденье,
Угрожая богачу!
На пути отца трещали
Из-за сосен самострелы.
Падал он и подымался,
Добивая кулачье.
А колхоз крепчал и соки
Набирал березкой белой.
И мужало, и мужало
Пробуждение мое!

...Пахнет ягодами ветер
Над рекой моей могучей,
И не волчьих глаз цепочка,
А огни в тайге горят.
Вот муксун, как юный месяц,

Хочет ниток напрядь из мальчишечьих жил.
Как сосновая шишка, упал я без сил.
Ослепили мой ум коротышки-божки.
Может, идолов этих

принять мне в дружки?

Но от них голова
Тяжелеет, звеня,
И в глазах, как метель, хороводит земля.
Где дорога моя? Я умею стрелять,
Но ни пулей, ни стрелами
Менква не взять.

И, как встарь, Танварпеква
пугает детей...

И тогда на извилистой тропке моей
Встала русская женщина,
молвив: — Пойдем!

Я сама позабочусь о счастье твоём. —
Мне сердечное слово шепнула, как мать,
Повела меня в школу, где учат читать,
Где метлой прогоняют из детских умов
Коротышек-божков и лесных колдунов.
И набрал я весеннего воздуха в грудь,
И увидел я счастье и выбрал свой путь.

Глава третья

Как клубок пушистой шерсти,
Покатилось в небе солнце.
Шумным танцем, шумной песней
Заиграл мотор по Сосьве.

Мама! Был твой век коротким,
Я хочу, чтоб стал он длинным:
На большой моторной лодке,
Видишь, мчится сердце сына?

Как река, ты здесь зачата,
И, как рыба, здесь росла ты,
Как черника соком спелым,
Лаской ты была богата.

Здесь незримыми руками
Рыб ловили сети наши.
Билась рыба плавниками,
Брызги — ярких радуг краше,
Словно россыпи росинок. . .

Мы уху с дымком и солнцем
Ели вон под той осиною,
Что вот-вот небес коснется!
А на том мысу, где сосны
Темной лентой мчатся в дали,
Мы бродили вдоль по Сосьве,
Юрких белок промышляли.

Был я чуть повыше лайки.
Ты, да я, да собачонка.
А снежинки белой стайкой
На ветвях сидели звонких.
Песней женскою старинной
Глушь лесная оглашалась,
И на песню сердце сына,
Словно эхо, откликалось.

Нам, как летом, было жарко.
Мама, мама, нет чудесней,
Нет бесценнее подарка,
Чем твоя слеза и песня!
Ты — глаза мои и сердце,
Ты — печаль моя и счастье,
Ты учила сына с детства,
Чтобы жил он сердцем настежь.
Зная горе, счастье ценишь:
Ведь оно берется с бою
Тем быстрее и непременно,
Чем безрадостней былое.
Для людей творю я песню —
Много в песнях слез горючих,
Но ведь стало сердце песней
И не стало сердце тучей!
На большой моторной лодке,
Слышишь — мчится песня эта?
Мама, был твой век коротким,
Словно северное лето...
Мне с утратой не стерпеться...
И тогда случилось чудо:
Врач сказал: умолкло сердце,
А оно стучит повсюду —
В ветерке, в былинке тонкой,
Что к воде склонилась низко,
Словно женщина к ребенку,
Нежно-нежно, близко-близко!
В каждом вздохе, в каждой мысли
Ты всегда, всегда живая,
Как невидимая Миснэ
Моего лесного края.

Глава четвертая

Вот и ты, мое Березово!
Словно стая диких уток,
Ты в воде лилово-розовой
Отражаешься под утро.
Здесь учился в интернате я,
Понял книги, речь живую,
Здесь я в первый раз старательно
Вывел букровку кривую.
До чего же неразборчиво
Я писал мои каракули —
Так вот чайка след узорчатый
В берег вдавливают лапками. . .
Здесь, в тайге, дремучей, ветреной,
Где хвоя ложится под ноги,
Я увидел диво светлое
Человеческого подвига.

Глава пятая

Море, солнце, детство без мученья
Получило наше поколенье.
До того уютно нам живется,
Что иной уж и не ценит солнца. . .
Только кончит мать водить за ручку,
А уж он пижонит в узких брючках,
Шаркает ногами о панели
И порой не знает в самом деле,
Как растят хлеба и как в ледовых,
В голых тундрах строят город новый.

И один ли? Многие не знают,
Где и как пшеница вырастает.
И откуда икрстая рыба
Для ухи берется. А могли бы!
А могли бы знать, что есть и туча,
А у тучи сотни глаз колючих! . .
Нет, не буду как речная гладь,
Буду я волной большой, как дом.
Пусть мне в сердце постучится мать,
Что ловила рыбу подо льдом.
Я костры родительских сердец
Сберегу, чтоб век не догорать им,
Ведь не зря же дрался мой отец
С меднорожим кулаком-медведем.

Глава шестая

КТО Я?

1

Взлетает в небо солнце
На золотистых крыльях,
Чтобы тянули руки
К нему лесные кедры,
Чтоб улыбались кедры
И таял, таял снег. . .
В реке гуляет щука,
Зубастая злодейка,
И к берегу подходит,

Чтоб телом полосатым
Укрыться в полосатых
Прибрежных камышах.
И юркая плотвичка
Бежит по струям быстрым,
Бежит она и знает,
Что есть на свете щука,
И от зубастой щуки
Ей надо убежать.
В лесу клювастый дятел
Стучит, как молоточком,
И ловит под корою
Червей, сосущих соки
Из молодых стволов.
Медведь, мой хищный предок,
Налопавшись черники,
На дерево влезает
И караулит лося,
Чтобы на спину лося
Негаданно упасть.
Зовется солнце — солнцем,
Зовется щука — щукой.
Зовется дятел — дятлом.
Плотва плотвой зовется,
Медведи — медведями.
Я улыбаюсь солнцу,
Я охраняю дятла,
Ловлю сетями щуку,
И, если убиваю
Мохнатого медведя,
То на Медвежий праздник
Вины во искупленье

Зову друзей и близких...
Так кто же я такой?

2

Кто я?
Старинная сказка
Так про меня говорила:
Будто сидит меж плечами
Рот разговорчивый мой.
Плечи снуют, словно челюсти,
Очи, как два полумесяца,
Не на лице моем светятся,
А на груди ледяной.
Лютой зимой становлюсь я
Хмурым заснеженным кедром.
Деревом белым таежным
Я леденею и жду,
Чтоб улыбнулось мне солнце
Женщиной доброй и нежной, —
И оживу я, согретый,
Словно лягушка в пруду.
В шишках моих просмоленных
Вкусные зреют орехи,
Бьется, стучит мое сердце
Под узловатой корой.
Сказано в сказке, что летом
Стал я опять человеком.
Звали меня югорцем,
Землю мою — Югрой.
Был я несметно богатым,

Горы блестящего золота
И драгоценных камней
Были в моем краю.
Соболи, белки мохнатые
И молодые олени,
Словно снежинки, валились
С неба на землю мою.
С первым метельным снегом
Снова я делался кедром,
Но, перед тем как замерзнуть,
Звал я к себе людей.
Все, что возросло на ветках,
Все, что созрело в сердце,
Все, чем богат, выкладывал
Людам: бери, владей!
Шли купцы издалека,
С запада и востока
И за мои богатства
Разно платили мне:
Очень любил я честных —
Лишку давал им щедро,
Больно хлестал нечестного
Ветками по спине,
Буйствовал и гремел я,
Правого гнева полный,
И превращался ствол мой
В вихри колючих молний.
Кто я?
Был я когда-то
Вьюжной страны язычником,
Веровал в золотую

Женщину Сорни-Най¹.
В жертву ей, ненасытной,
Я приносил оленей —
На вот, бери рогатых!
Щедрость мансийца знай!
И на снегу подталом
Кровью чертил Урал я,
Скалы скуластолицые —
Вьюжной земли столицу.
Кто я?
Прилежный школьник,
Мальчик из интерната —
Здесь я впервой увидел
Знаки премудрых книг.
Песнями и сказаньями
Наши края богаты,
Но не имел он азбуки,
Наш золотой язык!
Кто я?
Внучонок Ленина!
Спасибо доброму Ленину,
Спасибо дедушке Ленину
За то, что могу сейчас
В строчках стихотворений,
Грудь распахнувши настезь,
Выложить сердце — нате!
Бьется оно для вас!
Спасибо дедушке Ленину,
Что я — таежная речка,
Бегущая к океану

¹ Сорни-Най — «Золотая баба». Мансийская сказочная героиня.

По доброй моей стране,
Что песню той речки слышит
Белый, желтый, черный. . .
Спасибо дедушке Ленину
За то, что солнце во мне!

3

Я человек. Значит, должен я думать:
Так называться даны ли права мне?
Там, где сейчас островерхие чумы,
Дом я построить сумею из камня.
Там, где полнеба в полярном сиянье,
Реки холодные вспять поверну я,
Чтоб гидростанция теплым дыханьем
Грела сибирскую землю родную,
Чтобы в таежной нахмуренной чаще
Очи Сибири сияли от счастья.
Я — человек. Захочу — и отныне
Юной красавицей станет пустыня.
Я — человек. Захочу — и отныне
Станет земля. . . молчаливой пустыней. . .
И по обугленным хрупким камням
Люди — бестелые провиденья,
Алые, с блеском безумья на лицах —
К огненным рекам пойдут вереницей.
Тот, кто придумал кошмар Освенцима, —
Тоже считал себя человеком.
Тот, кто придумал пожар Хиросимы, —
Тоже считал себя человеком!
Я — человек. Перед именем этим
Быть мне пожизненно в строгом ответе!

Глава седьмая

РАЗГОВОР НА ПЛОЩАДИ МАЯКОВСКОГО

Небоскребом смотрит в шелки глаз
На меня холеный иностранец,
Словно я дикарь и вот сейчас
Для него спляшу потешный танец.
Да, я — Азия. Я ростом мал,
Как сосна-малютка в тундре дальней.
Нас, нерослых, изо льда сковал
Луи-вот¹ на белой наковальне.
Надо — я растаю, только тронь.
Стану льдом — не разобьешь и силой.
Но на льду всего нужней огонь!
Ну, гляди в зрачки мои, верзила!
Что с того, что смотришь сверху вниз?
Мол, дикарь, а с важною походкой.
Старый мир твой жирен и плечист,
Но идет ко дну дырявой лодкой.
Я ж смотрю, как зорька — снизу
вверх.

Словно Обь, я величав, спокоен.
Но случится, я могу при всех
Показать вам, недруги, такое...
Смотрят люди, не спускают глаз
С нас двоих на площади московской.
Рассуди с американцем нас,
Бронзовый товарищ Маяковский!

¹ Луи-вот — северный ветер.

Глава восьмая

СОН

Словно клинок мне врезался в тело,
Словно до срока осиротел я,
Словно мне ворон выклевал очи, —
Так мое сердце плакало ночью.
Прыгало сердце раненой рыбой.
Горе на сердце — каменной глыбой:
Ночь без пощады.

Мрак без луны.

Давят и душат сны...

Вижу —

 вломилось скопище пьяниц.

Вот затевают бешеный танец.

Вот разевают смрадные рты.

— Выпьем, — хохочут,

— Выпьем, — горланят, —

Выпьем еще!

А ты? —

Спятели птицы, рыбы и звери,

Выбиты окна, выбиты двери.

Хохот и слезы.

Пьяный галдеж.

Молнией блещет нож.

Так этой ночью плакало сердце,

Словно сейчас вот умер отец мой...

Кружатся люди,

 пляшут спьяна

Танец ножа и вина.

Не хочу, не хочу войны.
Видишь,
 народ великой страны
В рост богатырский над морем встал
Выше Уральских скал?!...
Синее небо,
Ясные ночи.
Лес зеленеет.
Гуси гогочут...
Мертвые люди в мертвом огне,
Тучные нивы в мертвом огне...
Как хорошо, что все это было
Только во сне... Во сне!

Глава девятая

Кто говорит, что народ мой умрет
Или растает, как вешний лед,
Или вода с берегов его смоеет?
Кто говорит такое?
Кто говорит, что под снегом холодным
Насмерть замерзнет песня народная
И даже ветер —
 странник болтливый —
Вспомнить не сможет ни слов,
 ни мотива?
Эй, подожди хоронить меня!
Лед исчезает в пасти огня.
Воды покроются коркою льда.
Я — человек, я — не лед, не вода!
Я — человек... И когда-нибудь тоже

В землю сырую меня положат,

В землю навечно положат. . .

Нет!

Не для того я рожден на свет.

Лед исчезает в пасти огня.

Воды покроются коркою льда.

Я — человек, я — не лед, не вода!

Кто там посмел хоронить меня?

Пока на земле не умрет клевета

языкатая —

Буду я жить, жить, жить!

Пока не подохнут в лесах комары-

кровопийцы —

Буду я жить, жить, жить!

Пока не одену я всех в соболиные

шубы —

Буду я жить, жить, жить!

Пока не помчится мой сын на другую

планету —

Буду я жить, жить, жить!

Пока не родит мне десяток внучат моя

дочка —

Буду я жить, жить, жить!

Пока не волью в мои песни старинные

слезы народа —

Буду я жить, жить, жить!

Пока не вплету в семицветную радугу

мысли народа —

Буду я жить, жить, жить!

Пока от любви, словно лось молодой,

не погибну —

Буду я жить, жить, жить!

Пока от любви, как стареющий лось, не погибну —
Буду я жить, жить, жить!

Если же так — то умрет ли народ мой,
скажите?

Будет он жить, жить, жить!

Или растает народная песня, скажите?

Вечно ей жить, жить, жить!

Или земляне повымрут на нашей
планете?

Вечно им жить, жить, жить!

Или в крови у землян не останусь я
каплей горячей?

Буду я жить, жить, жить!

Где-то под солнцем эры чудесной

Жить я останусь кровью и песней,

Я — кареглазый, я — смуглокожий!

Манси — с собою, сегодняшним схожий!

Спорщик задиристый с голосом звонким,

С сердцем отзывчивым, как у ребенка.

Нежный узнает нежность мою.

Злобный узнает твердость мою.

Буду как солнце. Буду как лед.

Будет в землянах жить мой народ.

В плоти землян повторяясь стократно,

Будет он жить, жить, жить!

В думах землян повторяясь стократно,

Будет он жить, жить, жить!

В песнях землян повторяясь стократно,

Будет он жить, жить, жить!

В счастье землян повторяясь стократно,

Будет он жить, жить, жить!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Черное море. <i>Перевел автор</i>	5
Медвежье игрище. <i>Перевел В. Португалов</i>	17
Кара-юйя! <i>Перевел В. Португалов</i>	57
На железных нартах. <i>Перевел Вл. Цыбин</i>	73
Песня пробуждения. <i>Перевела Н. Грудинина</i>	83

ШЕСТАЛОВ ЮВАН

ПЕСНЯ ПОСЛЕДНЕГО ЛЕБЕДЯ

М., «Советский писатель», 1969,
108 стр.

Тем. план вып. 1969 г. № 293

Художник Г. С. Райшев

Редактор Г. Г. Чапчачова

Худож. редактор Е. Ф. Капустин

Техн. редактор З. Г. Игнатова

Корректор Л. И. Жиронкина

Сдано в набор 17/II 1969 г. Подписано
в печать 9/IV 1969 г. А 00734. Бу-
мага $70 \times 108^{1/32}$ № 1. Печ. л. $3^{3/8}$ (4,73).
Уч.-изд. л. 3,82. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 442. Цена 44 коп.

Издательство «Советский писатель».
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер.,
д. 10

Ленинградская типография № 5 Глав-
полиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Красная ул., 1/3

X

97062004
Окружная библиотека

44 коп.

С П

44 КОД.

G

